

церковниковъ-толстовцевъ и какъ въ нихъ богопротивно дѣйствуетъ ветхій человѣкъ, совлечься котораго Церковь учитъ каждаго христіанина; между тѣмъ они-то (безбожники) сму и послѣдуютъ и исполняютъ его похоти!— Обрати ихъ и вразуми ихъ, Господи, и вложи въ нихъ свѣтъ Твой, если они способны его принять, пока тьма адская совѣмъ не покрыла ихъ.

* * *

Какъ вѣтки живого дерева (Всел. Симв. Вѣры), Толстой посѣкъ своимъ дерзкимъ перомъ всѣ члены христіанскаго Символа Вѣры, и хочетъ неистово, бѣшено хочетъ лишить чловѣчество и особенно христіанскій міръ спасительной вѣры, доставляющей всякому искренно-вѣрующему величайшее утѣшеніе и опору во всѣхъ трудностяхъ и скорбяхъ жизни. Прелазяй инудѣ (нзаконнымъ путемъ) той тать есть и разбойникъ (Іоан. 10, 1). Толстой вторгается во дворъ овчій Церкви православной подпольнымъ путемъ, печатая свои богохульныя писанія за границей—въ Англіи, и распространяя ихъ въ Россіи десятками тысячъ. Это настоящій тать и разбойникъ. По плодамъ его всякій вѣрующій можетъ узнать, что онъ именно таковъ. Не собираютъ смоквъ съ терновника и не снимаютъ винограда съ кустарника (Лук. 6, 44).

* * *

Толстой находится въ умственномъ непроглядномъ туманѣ, или во тьмѣ и сѣни смертнѣй—и это среди солнечнаго Евангельскаго дня—и хочетъ на всѣхъ навести этотъ туманъ, эту тѣнь смертную.

Онъ не признаетъ откровеній, не вѣритъ въ богодухновенность Св. Писанія и считаетъ его за сказку, церковную исторію—тоже:—все ученіе Богооткровенное считаетъ за ложь, а себя одного, свой разумъ, свое слово—одно свое слово за истину (свои рыканія, свои сочиненія). Не вѣритъ онъ, что А есть А, и учитъ, что всѣ исповѣдующіе христіанскую вѣру—заблудившіеся, обманутые, или самообманувшіеся, что они—жертвы гипноза, что